

Б. Н. Миронов

Этническая дискриминация при формировании органов государственной власти СССР*

Распад СССР — событие всемирно-исторического масштаба и значения, изменившее геополитическую ситуацию в мире. В научной литературе оно понимается как системный кризис народного хозяйства, социальной структуры, общественной и политической сферы, который привел к прекращению существования Советского Союза как государства в декабре 1991 г. В течение 30 лет ученые разных наук и направлений с неослабевающим интересом изучают дезинтеграцию СССР в поисках ответов на вопросы о том, как и почему она произошла и какие факторы ее обусловили. По ориентировочной оценке, на 1 августа 2020 г. только в России написано более 300 книг, 3 тыс. статей и 20 диссертаций. Обобщение этой литературы требует уже не статьи, а специальной монографии.

Анализ литературы¹ показывает, что предложенные объяснения дезинтеграции СССР можно разделить на три большие группы. В первую группу попадают работы, авторы которых рассматривают ее как естественный результат долго развивавшихся процессов, ищут ее исторические предпосылки, изучают тенденции в развитии социума, смотрят на распад системно и комплексно. Вторая группа включает работы, авторы которых видят в дезинтеграции СССР продукт стечения случайных обстоятельств, внешних причин и ошибок партийных и советских лидеров

***Миронов Борис
Николаевич***
д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

и потому сосредоточены на изучении, с одной стороны, роли субъективных и внешних факторов, а с другой — короткого периода 1985–1991 гг., непосредственно предшествовавшего дезинтеграции. Самая большая третья группа исследований сосредоточена на событийном уровне — на конкретно-историческом анализе всей массы фактов и обстоятельств, касающихся распада Советского Союза. Первые считают дезинтеграцию закономерным, имеющим глубокие исторические, экономические, политические, культурологические, социальные предпосылки и причины, вторые и третьи — случайным явлением, порожденным преимущественно событиями 1985–1991 гг. В соответствии с этим и процесс дезинтеграции первые часто называют распадом, а вторые и третьи — развалом. Особенность большинства работ состоит в сильной политизированности и идеологизированности, а также субъективности, усугубляемой тем, что некоторые авторы сами были свидетелями и участниками перестройки. Они часто ищут не действительные предпосылки и причины распада Союза, а оправдание своего поведения и обоснование своих политических пристрастий. Во многих случаях источниковую базу исследований нельзя считать достаточной. Широкие выводы делаются на основе отдельных фактов, частных свидетельств и обосновываются общими соображениями.

Чтобы понять причины столь масштабного исторического явления, как распад СССР, необходимо проанализировать в междисциплинарном ключе множество факторов в их взаимном переплетении и влиянии, опираясь на массовые, прежде всего статистические, источники. Это под силу только научному коллективу. Отдельный исследователь может претендовать на решение лишь частных вопросов. В данной статье предпринята попытка рассмотреть дезинтеграцию Советского Союза в ракурсе *политической дискриминации* этносов, в особенности титульных этносов союзных республик, обладавших по конституциям 1924 и 1936 гг. ограниченным, или потенциальным, государственным суверенитетом, а по конституциям 1977 и 1990 гг. — полным суверенитетом. Дискриминация будет оцениваться по степени их присутствия во властных и силовых структурах — в парламенте, государственном и партийном аппарате, в органах суда и правопорядка, а также в армии, причем в динамике — с 1917 до 1990 г. Выбор подобного угла исследования определяется двумя обстоятельствами: 1) исключительной важностью вопроса дискриминации, который стоял первым в программах почти всех национальных движений в период перестройки; как показал анализ историографии, в большинстве концепций, объясняющих дезинтеграцию, также присутствует тезис о дискриминации нерусских этносов, о неравноправии в межнациональных отношениях как главном или важном факторе распада Союза; 2) наличием массовых и достаточно объективных статистических источников, которые поддаются обработке посредством специальной методики и позволяют оценить уровень этнополитического неравенства в динамике за весь советский период.

Основные источники настоящего исследования — сведения всесоюзных переписей населения 1926, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., а также всероссийской переписи 1897 г. Их переписной бланк содержит вопросы о занятости населения отдельных этносов, в том числе в сфере управления, а полученные результаты

специалисты считают удовлетворительными. Согласно переписи 1897 г., наличное население империи без Финляндии равнялось 125 681 тыс., а постоянное — 126 587². В принципе, в масштабе страны наличное и постоянное должны совпадать. В нашем случае разница составила 906 тыс. или 0,72 % от наличного населения — это расхождение является небольшим. По мнению демографов, Всесоюзная перепись 1926 г. недоучла население примерно на 1 % по СССР в целом и на 0,8 % по РСФСР; перепись 1959 г. — соответственно на 0,1 и 0,13 %. Недоучет по переписи 1937 г. был существенно больше — от 0,3 до 1,2 % по СССР. Перепись 1970 г. признается многими специалистами лучшей переписью советского периода, а переписи 1979 г. и 1989 г. — вполне удовлетворительными³.

Сведения об этнической занятости в 1897 г.⁴ и 1926 г.⁵ опубликованы. В изданных результатах переписей 1959, 1979 и 1989 гг. такие данные отсутствуют. Однако они сохранилась в Российском государственном архиве экономики (далее — РГАЭ), в фонде Центрального статистического управления (далее — ЦСУ) СССР (ф. 1562)⁶. Материалы переписи 1989 г. об этнической занятости обработаны ЦСУ частично, в том числе по СССР в целом и по 8 из 15 союзных республик⁷. Некоторой компенсацией служат лаконичные данные за 1987–1990 гг., опубликованные Управлением статистики труда Госкомстата⁸.

Данные переписи 1897 г. учли всех чиновников, находившихся на службе в администрации, суде, полиции, в придворном, дипломатическом и межвом ведомствах, без разделения их по сфере занятости и рангам⁹. Ведомственная статистика министерств в 1898–1915 гг. имела третий недостаток — учла не только «чистых» управленцев, но и всех чиновников, многие из которых выполняли далекие от государственного управления обязанности — служили врачами, преподавателями, агрономами и т. п.¹⁰ Вследствие этого численность собственно государственного аппарата в конце XIX — начале XX в. оказалась преувеличенной.

Данные о численности лиц, занятых в управлении, по советским переписям несопоставимы со сведениями 1897 г., но сравнимы между собой благодаря тому, что критерии отнесения людей к категории управленцев были тождественными — к занятым в государственном управлении относили руководителей партийной, исполнительной и законодательной власти. Рядовые чиновники в отдельную профессиональную группу не выделялись, незаметно растворяясь в общей массе служащих, и идентифицировать их в материалах переписи невозможно. О всех занятых в управлении можно судить по сведениям ведомственной статистики.

В переписи 1926 г. зафиксирован руководящий персонал органов центрального и местного управления на шести уровнях: 1) руководители и заведующие учреждениями центрального, областного и губернского управления и их частями; 2) руководители и заведующие учреждениями окружного и уездного управления и их частями; 3) руководящий персонал рай- и волысполкомов; 4) руководящий персонал сельсоветов; 5) руководящий персонал месткомов и фабзавкомов; 6) руководящий персонал прочих учреждений. При этом руководители партийных, профсоюзных и общественных организаций (Общество

содействия обороне, авиационному и химическому строительству, Московское общество охотников и рыболовов, Комитеты крестьянской общественной взаимопомощи и др.), а также и законодательной власти не выделялись в самостоятельную группу, а объединялись с персоналом собственно государственных учреждений¹¹.

В переписях 1959 г. и 1970 г. учтены руководители органов государственного управления (законодательной и исполнительной власти) и партийных и общественных организаций на трех уровнях (приводим формулировки из переписных листов): 1) общесоюзных, республиканских, областных и окружных органов и их структурных подразделений (включая города с населением 500 тыс. чел. и более); 2) районных и городских органов и их структурных подразделений (кроме городов с населением 500 тыс. чел. и более); 3) председатели и секретари исполнительных комитетов сельских и поселковых Советов, а также руководители первичных партийных и общественных организаций. В 1979 и 1989 гг. руководители органов государственного управления, с одной стороны, и партийных и общественных организаций — с другой фиксировались порознь, но без разделения по уровням управления.

С 1940 г. ЦСУ и другие органы государственной статистики ежегодно учитывали всех чиновников, занятых в управлении, исключая технический и обслуживающий персонал, но, к сожалению, без этнического профиля (табл. 1).

Сравнение данных переписей и ведомственной статистики показывает, что руководящий персонал составлял от общего числа управленцев 31 % в 1926 г. и 1959 г., 21 % в 1970 г. и 26 % в 1979 г., т. е. на одного руководителя приходилось 3–4 рядовых сотрудника. Это говорит о том, что переписи учитывали в категории управленцев руководителей всех подразделений и всех рангов.

Из аппаратов партийных, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций и их структурных подразделений (ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, ЦК профсоюзов и центральные общественные организации — на общесоюзном уровне; ЦК компартий союзных и автономных республик, ЦК комсомола, советы и ЦК профсоюзов — на республиканском уровне; крайкомы, обкомы и окружкомы КПСС, ВЛКСМ и профсоюзов — в масштабе краев, областей и национальных округов) в переписях учитывались первые и все остальные секретари, заведующие отделами и секторами партийных и комсомольских органов, а также председатели, заместители председателей и секретари профсоюзных органов. Руководящий персонал во всех общественных организациях относительно численности рядовых членов был невелик. Например, в 1989 г. доля руководящих работников в общей численности лишь КПСС (19 488 тыс. членов и кандидатов в члены) составляла всего 1,5 %¹².

Из руководителей органов государственного управления и их структурных подразделений учтены главы правительств СССР, союзных и автономных республик, министры, председатели госкомитетов, начальники главков, управлений и отделов Советов министров, министерств и госкомитетов, председатели исполкомов (краев, областей, округов, районов и городов), а также их заместители; из руководителей органов законодательной власти — члены Президиумов Верховных Советов СССР, союзных и автономных республик,

Таблица 1

**Среднегодовая численность работников аппарата органов управления СССР
в 1940–1989 гг. (тыс. чел.)**

Сфера занятости	Год					
	1940	1950	1960	1967	1980	1989
Органы управления партийных, общественных и кооперативных организаций	190	114	125	155	319	297
Органы управления министерств и ведомств, в том числе:	1359	1459	909*	816	1531	871
союзного уровня (включая аппарат союзно-республиканских министерств и ведомств)		94	33	81	104	77
республиканского уровня (включая республиканский аппарат союзно-республиканских министерств и ведомств)	122	59	62	111	134	82
министерств АССР, краевых, областных управлений, отделов (без аппарата исполкомов Советов народных депутатов)	120	181	136	–	251	204
окружных, районных городских управлений и отделов (без аппарата исполкомов Советов народных депутатов)	531	658	345	199	413	450
органов хозяйственного управления**	586	467	269	425	629	58
Президиумы Верховных Советов и исполкомов Советов народных депутатов	295	300	300	274	297	308
Судебные и юридические учреждения	75	74	69	68	84	101
Всего чиновников аппарата органов управления	1919	1947	1403	1313	2231	1577
Рабочие и служащие в народном хозяйстве	33 900	38 895	62 032	82 300	112 498	115 433
Доля управленцев среди занятых, %	5,66	5,01	2,26	1,60	1,98	1,37

* Включая 64 тыс. чиновников бывших совнархозов.

** Руководители отдельных предприятий сюда не входят.

Источник: Труд в СССР: стат. сборник. М., 1968. С. 28–29; Труд и кадры [в СССР: стат. сборник]. М., 1969. С. 17–18; Труд в СССР: стат. сборник. М., 1973. С. 76–77; Труд в СССР: стат. сборник. М., 1975. С. 55–56; Народное хозяйство СССР в 1989 г.: стат. ежегодник. М., 1990. С. 50.

а также исполкомов Советов народных депутатов всех уровней. Кроме управленцев, переписи идентифицировали и зафиксировали в этническом разрезе весь юридический персонал, исключая технических работников — судей, прокуроров, следователей, адвокатов; переписи 1926 и 1959 гг. учли еще и всех работников органов правопорядка, а перепись 1926 г. — военнослужащих (табл. 2).

Таблица 2

Число занятых в государственном управлении СССР по сведениям всесоюзных переписей населения и статистики ЦСУ (тыс. чел.)

Сфера управления	Источник	Год			
		1926	1959	1970	1979
Руководство государственных, партийных и общественных организаций	Перепись	276	393	406	638
Аппарат государственных, партийных и общественных организаций	ЦСУ	894	1273	1970	2411
Руководство государственного аппарата управления	Перепись	276	247	211	280,2
Руководство партийных и общественных организаций	— // —		146	195	357,4
Органы суда	— // —	21,1	78,7	108,7	159,1
Органы правопорядка	— // —	81,8	457,3	—	—
Различие: руководство государственных, партийных и общественных организаций и аппарат государственных, партийных и общественных организаций, %	Перепись = 100	31	31	21	26
Все занятое население	Перепись	86 220	100 089	115 204	134 860
В том числе рабочие, служащие, колхозники	ЦСУ	57 440	80601	106 901	124 192
Все население (млн чел.)	Перепись	147,0	208,8	241,7	262,4
	ЦСУ	147,0	208,8	241,7	262,4

Источники: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 9. С. 2–13; Т. 17. С. 2–3; Т. 34. С. 8, 9, 154–159, 172; Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 526, 531; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 2871; Народное хозяйство СССР в 1959 г. М., 1960. С. 583–585; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.: в 10 т. Т. 8: Распределение населения СССР и союзных республик по занятиям, ч. 1. М., 1973. С. 14, 24, 28; Народное хозяйство СССР в 1970 г. М., 1971. С. 404–405, 507–509; РГАЭ. Ф. 1562 (ЦСУ СССР). Оп. 336. Д. 7465; Народное хозяйство СССР в 1979 г. М., 1980. С. 404–405, 507–509.

В текущем учете ЦСУ фиксировало все занятое население, но в статистические сборники включались только «рабочие и служащие, занятые в народном хозяйстве», т. е. работники государственного сектора. Занятые в колхозах и других кооперативах, а также в частном секторе учитывались особо, причем сведения о числе колхозников публиковались, а о занятых в частном секторе — нет. По этой причине сумма работников государственного и кооперативного секторов существенно меньше, чем все занятое население: в 1926 г. — на 33 %, в 1979 г. — на 8 %. Полные данные о численности занятого населения дают только переписи¹³. Указанное обстоятельство имеет значение при оценке доли управленцев в занятом населении.

В целом собранные и обработанные нами сведения позволяют оценить динамику общего количества чиновников, занятых в управлении с 1897 по 1989 г. Их анализ опровергает расхожее мнение об избыточном и непрерывно растущем числе советских чиновников, если в расчет принимать изменение численности всего или занятого населения. В табл. 3, как и во всем тексте и других таблицах, данные ЦСУ показывают среднегодовую численность занятых по отраслям народного хозяйства, а общую численность всего населения — на 1 января текущего года; все данные переписей относятся к дате проведения переписи. Во всех таблицах в отдельных случаях незначительные расхождения между итогом и суммой слагаемых объясняются округлением данных.

Относительно *всего населения* число управленцев росло до 1940-х годов: с 1913 г. по 1950-е годы на 1000 чел. оно увеличилось по крайней мере в 3,7 раза (на самом деле больше, так как данные на 1913 г. завышены). В следующие годы происходило уменьшение относительной численности аппарата управления. Подобная картина наблюдается и в динамике плотности управленцев *во всем занятом населении*, хотя наши сведения о нем неполны (нет информации о частном секторе). Наиболее надежны данные об изменении числа чиновников относительно *занятых в госсекторе* — самом важном в советском народном хозяйстве. Здесь оно росло лишь до коллективизации: с 1913 по 1928 г. на 1000 чел. занятых увеличилось не менее чем в 2,7 раза. В. Маяковский имел серьезное основание писать в 1929 г.: «Я волком бы выгрыз бюрократизм». После коллективизации росла — умеренными темпами и волнообразно — только абсолютная численность чиновников: с 1932 по 1990 г. она увеличилась лишь в 1,3 раза. На 1000 занятых в госсекторе число чиновников стабильно уменьшалось (при всех колебаниях в отдельные годы) и с 1920-х годов по 1990 г. снизилось в 5 раз.

Итак, предмет нашего исследования — *дискриминация народов Советского Союза в государственном управлении* как фактор его дезинтеграции, объект — партийное и советское руководство, а также работники судебных и правоохранительных органов в союзных республиках и в СССР в целом. В гос- и партаппарате было занято от 198 тыс. в 1926 г. до 666 тыс. в 1989 г.¹⁴ Большинство этих чиновников входило в номенклатуру¹⁵, составлявшую правящий класс и определявшую судьбу страны. Численность юридического персонала (судей, прокуроров, следователей и адвокатов) с 1926 по 1989 г. возросла с 21 тыс.

Таблица 3

Динамика общего количества чиновников аппарата управления в сравнении с численностью населения в Российской империи и СССР

Год	Аппарат управления, (тыс. чел.)	Все население (млн чел.)	Рабочие, служащие, колхозники (тыс. чел.)	Рабочие и служащие госсектора (тыс. чел.)	Число управленцев на 1000 человек населения		
					всего	занятого*	занятого в гос-секторе
1897	331	145,2	33 185**	–	2	10	–
1913	458	157,9	36 088	12 900	3	13	36
1922–1928	868	145,4	58 147	9167	6	15	95
1932–1940	1658	173,0	65 253	28 900	10	25	57
1941–1945	1256	183,0	46 611	23 200	7	27	54
1946–1950	1876	174,0	60 296	34 373	11	31	55
1951–1955	1638	188,0	70 409	44 449	9	23	37
1956–1960	1288	205,1	79 509	55 346	6	16	23
1961–1965	1347	223,2	90 373	70 983	6	15	19
1966–1970	1732	237,1	102 760	85 037	7	17	20
1971–1975	2077	248,6	113 460	97 492	8	18	21
1976–1980	2356	260,1	122 447	108 467	9	19	22
1981–1985	2564	271,3	130 416	117 396	9	20	22
1986–1990	2198	284,0	128 716	116 536	8	17	19

* Без индивидуального сектора.

** Все занятое население.

Подсчитано по: Народное хозяйство СССР: стат. справочник 1932 г. М.; Л., 1932. С. 401, 410; Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг.: юбилейный стат. ежегодник. М., 1972. С. 283, 343–346; Народное хозяйство СССР 1922–1982 гг.: юбилейный стат. ежегодник. М., 1982. С. 315, 397–398; Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 526, 531; Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный стат. ежегодник. М., 1987. С. 5; Труд в СССР: стат. сборник. М., 1988. С. 26, 30–31; Народное хозяйство СССР в [1956–1990] гг. М., 1957–1991.

до 240 тыс., работников органов правопорядка — с 89 тыс. до 553 тыс. Всего проанализирован этнический состав 308 тыс. работников управления, суда и правопорядка в 1926 г., 929 тыс. — в 1959 г. и 1 млн 459 тыс. — в 1989 г.

Для оценки уровня политического неравенства будут использоваться четыре показателя: 1) число управленцев каждого этноса; 2) доля этноса, занятого в управлении, среди работающего населения этого этноса; 3) доля

этноса в общей численности управленцев; 4) отношение доли этноса, занятого в управлении, к доле данного этноса среди всего занятого населения. В расчетах учитывается население, реально работавшее в управлении и во всех сферах общественной жизни, обычно называемое самодеятельным или занятым.

Первые три показателя показывают участие этноса в управлении, среди них наиболее важный третий — он измеряет роль или степень участия этносов в управлении. Четвертый показатель измеряет этническую репрезентативность или степень политического неравенства при формировании органов управления, поэтому назовем его *индексом этнополитической репрезентативности* (далее — ИЭПР). Он обладает наибольшей эвристической силой, поскольку измеряет *степень политической дискриминации* отдельных этносов. Опираясь на него, можно оценивать степень политической дискриминации *количественно*, благодаря чему ранжировать этносы по степени неравенства. Если индекс равен единице, то этнос представлен в управлении пропорционально своей численности, и значит, права этого этноса в комплектовании управленческих кадров соблюдены. Если больше или меньше единицы, то интересы этноса отражены во властных структурах неадекватно — избыточно или недостаточно¹⁶. В социологии принято говорить о позитивной и негативной дискриминации. *Позитивной дискриминацией* называются какие-либо привилегии, предоставляемые по расовому или этническому признаку, например при выборах в парламент, при устройстве на работу, поступлении в высшее учебное заведение и т. п. Соответственно, *негативная дискриминация* означает ущемление в правах по этноконфессиональному признаку.

Например, в 1897 г. ИЭПР для русских составил 1,43, для украинцев — 0,61, для армян — 1,10, для евреев — 0,17, для эстонцев — 0,66, для молдаван — 0,34. Это означает, что русские и армяне имели привилегии при комплектовании органов управления, поскольку доля русских превышала демократическую норму в 1,43 раза, армян — в 1,1 раза. Остальные четыре этноса были недопредставлены во властных структурах: украинцы — в 1,6 раза ниже нормы (1,00 : 0,61), эстонцы — в 1,5 раза (1,00 : 0,66), молдаване — в 2,9 раза (1,00 : 0,34) и евреи — в 5,9 раза (1,00 : 0,17)¹⁷. Таким образом, согласно ИЭПР, русские и армяне испытывали позитивную политическую дискриминацию, остальные четыре этноса — негативную дискриминацию. Самыми привилегированным в политическом отношении из шести этносов были русские, самым дискриминированным — евреи. Как видим, опираясь на ИЭПР, можно более эффективно оценивать степень политического неравенства различных этносов¹⁸.

Однако недопредставительство этноса во властных структурах нередко объясняется не дискриминацией как таковой, а низким уровнем образования, недостатком профессионалов или нежеланием людей заниматься политикой. Если этнос в правах в целом не ущемляется, то следует говорить не о негативной дискриминации, а о *фактическом политическом неравенстве*. О негативной этнополитической дискриминации можно говорить тогда, когда в социуме действуют формальные или неформальные преимущества или

ограничения на участие отдельных этносов в политической деятельности. Например, в императорской России некрещенные евреи не имели права поступать на государственную службу и, следовательно, участвовать в управлении. Это была откровенная дискриминация, поскольку евреи при возможности охотно шли на государственную службу: в 1897 г. их ИЭПР = 0,17. В некоторые периоды в СССР неформально (т.е. он не был закреплен в законе) существовал пресловутый «пятый пункт», создававший потенциальную возможность для дискредитации по этническому признаку. Считая себя этнически ущемленными, советские евреи иронически называли свою национальную принадлежность «инвалидностью пятой группы». В позднеимперский период наблюдался этнический фаворитизм на Правобережной Украине в пользу украинцев против поляков¹⁹.

Оценим динамику политического неравенства в стране в целом по данным переписей 1897, 1926, 1959, 1979 гг. и ведомственной статистики ЦСУ за 1987 г. По причине ограниченности места в статье отсутствуют абсолютные данные и приводятся только суммарные сведения о нерусских и о 15 титульных этносах союзных республик (табл. 4).

Таблица 4

**Индекс этнополитической репрезентативности в сфере управления
Российской империей* и СССР**

Этносы	Год				
	1897	1926	1959	1979	1989
Государственный аппарат					
Все население	нет	1,00**	1,00	1,00	1,00
Русские	нет	1,15**	1,00	1,01	1,00
Нерусские	нет	0,81**	1,00	0,99	1,00
15 титульных этносов союзных республик	нет	1,02**	0,99	1,00	1,00
Аппарат партийных и общественных организаций					
Все население	1,00***	1,00**	1,00	1,00	1,00
Русские	1,42***	1,15**	1,18	1,07	1,05
Нерусские	0,62***	0,81**	0,79	0,91	0,94
15 титульных этносов	1,10***	1,02**	1,03	1,02	1,01
Судебная система					
Все население	нет	1,00	1,00	1,00	1,00
Русские	нет	1,17	1,05	1,09	1,08
Нерусские	нет	0,78	0,94	0,89	0,91

Этносы	Год				
	1897	1926	1959	1979	1989
15 титульных этносов	нет	1,01	0,93	0,99	1,01
Милиция					
Все население	нет	1,00	1,00	1,00	1,00
Русские	нет	1,21	1,22	1,13	1,09
Нерусские	нет	0,74	0,74	0,84	0,90
15 титульных этносов	нет	1,06	1,05	1,01	1,01
Аппарат государственных, партийных, общественных организаций, органов суда и правопорядка					
Все население	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
Русские	1,43	1,17	1,14	1,07	1,06
Нерусские	0,61	0,79	0,84	0,91	0,93
15 титульных этносов	1,10	1,03	1,02	1,01	1,01
Армия					
Все население	1,00	1,00	1,00****	–	–
Русские	1,25	2,79	1,09****	–	–
Нерусские	0,77	0,67	0,89****	–	–
15 титульных этносов	1,04	0,80	1,04****	–	–

* Здесь и далее в сведениях о Российской империи не учитывается Финляндия.

** В 1926 г. аппарат государственных, партийных и общественных организаций вместе.

*** Служители культа.

**** В графе «1959 г.» сведения за 1942–1943 гг.

Источники: Общий свод. Т. 2. С. 226–255; Распределение населения. Т. 1–4; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 18–34; РГАЭ; Перепись 1959 г.; РГАЭ; Перепись 1979 г.; РГАЭ; Перепись 1989 г.; Труд в СССР. М., 1988. С. 16–25, 118, 125–127.

Данные табл. 4 показывают: в 1897 г. нерусские граждане участвовали в формировании органов управления, суда и полиции, но почти в 1,6 раза ниже демократической нормы (1,00 : 0,61 = 1,6) и в 2,3 раза меньше, чем русские (1,43 : 0,61). Налицо сильное этнополитическое неравенство. Хотя нельзя не отметить — нерусские имели своих агентов в органах власти.

В 1926 г., через 9 лет после революции 1917 г., во всех структурах власти ИЭПР нерусских повысился с 0,61 до 0,79, соответственно их представительство увеличилось и стало лишь в 1,3 раза (1,00 : 0,79) ниже демократической нормы. В следующие годы тенденция роста этнополитического равенства при формировании органов власти набирала силу, и в 1989 г. негативная

дискриминация практически исчезла: ИЭПР русских составил 1,06, а нерусских — 0,93. Привилегии русских были сведены к минимуму.

В отдельных сферах управления нивелирование этнического неравенства проходило разными темпами. В государственном аппарате равенство было достигнуто уже в 1959 г., поскольку ИЭПР русских и нерусских составил 1,00. По причине недостатка в переписях 1937 и 1939 гг. данных об этнической занятости нельзя исключать, что это произошло раньше. В аппарате партийных и общественных организаций неравенство также преодолевалось, однако в 1989 г. представительство русских все же примерно в 1,1 раза превышало их долю в населении, соответственно процент нерусских немного недотягивал до демократической нормы (ИЭПР у русских — 1,05, у нерусских — 0,94).

В судебных, правоохранительных органах и, вероятно, в вооруженных силах в течение имперского и советского периодов русские были представлены лучше нерусских, хотя и здесь неравенство уменьшалось. В *судебной* системе ИЭПР у русских в 1926 г. равнялся 1,17, в 1989 г. — 1,08, у нерусских соответственно — 0,78 и 0,91. В милиции ИЭПР в 1926 г. у русских — 1,21, у нерусских — 0,74, в 1989 г. соответственно — 1,09 и 0,90. В армии в 1897 г. ИЭПР у русских составил 1,25, у нерусских — 0,77, в 1926 г. — соответственно 2,80 и 0,70. В следующие годы сведения об этническом составе армии были засекречены. Лишь на 1942–1943 гг. мы располагаем данными о национальном составе более чем 200 стрелковых дивизий, насчитывавших в своих рядах свыше 1 млн чел. — это 1/6 часть от общей численности действующей армии²⁰. Подсчитанный на их основе ИЭПР оказался равным для русских 1,09, для всех нерусских — 0,89²¹. По всем имеющимся сведениям, в силовых структурах доля русских всегда превышала их долю в населении.

На *разных уровнях управления* степень неравенства русских и нерусских была различной. В 1926 г. русские имели преимущества при комплектовании *государственного* аппарата на всех уровнях, но в наибольшей степени на высшем: ИЭПР у русских в высшем звене равнялся 1,27, в среднем звене — 1,15, в низшем звене — 1,14, у нерусских соответственно — 0,66, 0,81 и 0,83. К 1959 г. в государственном аппарате неравенство этносов существенно уменьшилось, так как ИЭПР у русских упал в высшем, среднем и низшем эшелонах в 1,9, 1,6 и 1,5 раз соответственно. На низшем и среднем уровнях дискриминация нерусских была ликвидирована (табл. 5).

В *партийном аппарате*, судя по данным на 1959 г. (за другие годы подобных сведений в переписях нет), ситуация иная — предпочтение русским отдавалось на всех уровнях, причем в первичном звене в особенности: их ИЭПР на высшем уровне равен 1,17, на первичном — 1,27, у нерусских соответственно — 0,80 и 0,69 (табл. 4).

Таким образом, к концу советского периода неравенство этносов, русских и нерусских при формировании структур власти существенно уменьшилось, а в государственном аппарате исчезло. Однако в партийных органах, в высшем эшелоне исполнительной власти и в силовых структурах русские были представлены несколько выше демократической нормы.

Таблица 5

**Индекс этнополитической репрезентативности на разных уровнях управления
в СССР в 1926, 1959 и 1979 гг.**

Уровни управления	Русские			Нерусские		
	1926	1959	1979	1926	1959	1979
Государственной аппарат	1,15	1,00	1,00	0,81	1,00	0,99
руководители общесоюзных, республиканских, областных и окружных органов	1,27	1,14	–	0,66	0,84	–
руководители районных и городских органов	1,15	1,06	–	0,81	1,04	–
руководители первичных организаций	1,14	1,00	–	0,83	1,00	–
Партийный аппарат	–	1,18	1,07	–	0,79	0,91
руководители общесоюзных, республиканских, областных и окружных органов	–	1,17	–	–	0,80	–
руководители районных и городских органов	–	1,11	–	–	0,88	–
первичных организаций	–	1,27	–	–	0,69	–
Аппарат государственных, партийных и общественных организаций, суд, полиция	1,17	1,07	1,07	0,79	0,84	0,91

* В 1926 г. аппарат государственных, партийных и общественных организаций вместе.

Источники указаны в примеч. к табл. 4.

Обратимся теперь к данным об этнополитическом неравенстве отдельных этносов — 19 народов, ставших титульными в союзных и автономных республиках при советской власти (табл. 6).

В Российской империи и Советском Союзе почти все крупные нерусские этносы имели своих выдвиженцев во властных структурах, хотя в разной степени. В 1897 г. среди чиновников в управлении империи (без Финляндии) встречались люди более 90 этносов, включая евреев, якутов, цыган, чеченцев, абхазцев. Среди 19 этносов, которые в советскую эпоху образовали союзные или автономные республики, лишь русские (1,43), армяне (1,10) и поляки (1,18) имели ИЭПР больше единицы и, значит, участвовали в формировании властных структур выше демократической нормы. Остальные в большей или меньшей степени испытывали депривацию. Из них 8 этносов имели представительство выше среднего уровня для нерусских (0,51) (в порядке уменьшения ИЭПР): грузины (0,9), латыши (0,67), эстонцы (0,66), белорусы (0,63), украинцы (0,61), литовцы (0,61), татары (0,53) и таджики (0,52); ниже среднего — 9 этносов:

Таблица 6

**Индекс этнополитической репрезентативности 19 этносов в сфере управления
в Российской империи и в СССР***

Этнос	Год				
	1897	1926**	1959	1979	1989
Русские	1,43	1,09	1,14	1,07	1,06
Азербайджанцы	–	0,75	0,95	1,07	1,05
Армяне	1,10	1,14	0,99	1,21	1,11
Башкиры	0,16	0,84	0,76	0,95	–
Белорусы	0,63	0,69	0,80	0,86	0,97
Грузины	0,90	1,08	1,03	0,75	1,43
Евреи	0,17	–	1,78	1,39	–
Казахи	0,14	0,42	1,49	1,50	1,27
Киргизы	0,14	0,35	0,91	1,15	0,90
Латыши	0,67	–	0,84	1,23	1,16
Литовцы	0,54	–	0,89	0,99	0,91
Молдаване	0,34	–	0,29	0,57	0,71
Таджики	0,53	0,55	0,80	0,87	0,73
Татары	0,53	0,58	0,89	0,90	–
Туркмены	0,31	0,36	1,05	0,82	0,82
Узбеки	0,27	0,60	0,63	0,72	0,60
Украинцы	0,61	0,66	0,81	0,85	0,94
Эстонцы	0,66	–	1,08	1,31	1,17
Якуты	0,11	0,45	2,26	2,63	–
Нерусские	0,61	0,71	0,84	0,91	0,93
15 титульных	1,10	0,96	1,02	1,01	1,01
Все этносы	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00

* Аппарат государственных, партийных и общественных организаций, суд, полиция.

** Русские и нерусские в СССР, остальные этносы в титульной республике.

Источники указаны в примеч. к табл. 4.

якуты (0,09), казахи (0,14), башкиры (0,15), киргизы (0,16), евреи (0,17), узбеки (0,30), туркмены (0,31), молдаване (0,34) и азербайджанцы (0,43). Все нерусские народы в целом имели ИЭПР 0,51 — почти в три раза меньше, чем русские.

Таблица 7

Доля различных этносов среди лиц, находившихся на коронной и общественной службе в Российской империи в 1897 г., в зависимости от грамотности (%)

Этнос	Доля этноса			ИЭПР этноса в занятом населении	ИЭПР этноса среди занятого грамотного населения
	среди управленцев	в занятом населении	грамотного во всем занятом грамотном населении		
Русские	67,77	47,32	59,3	1,43	1,14
Поляки	8,91	7,55	5,4	1,18	1,65
Украинцы	9,33	15,34	17,8	0,61	0,52
Белорусы	2,33	3,69	4,2	0,63	0,55
Немцы	1,55	1,61	3,0	0,96	0,52
Татары	1,36	2,58	0,5	0,53	2,72
Грузины	0,90	1,00	0,3	0,90	3,00
Латыши	1,09	1,62	1,6	0,67	0,68
Литовцы	0,77	1,42	0,6	0,54	1,28
Армяне	0,83	0,76	0,3	1,09	2,76
Эстонцы	0,75	1,14	0,9	0,66	0,83
Евреи	0,78	4,61	5,2	0,17	0,15
Молдаване	0,25	0,73	0,4	0,34	0,63

Источник. Общий свод. Т. 2. С. 92–133, 138–139, 296, 328–355.

Высокий ИЭПР в управлении был у выходцев из Западной Европы: англичан (1,61), французов (1,49), шведов (1,30), немцев (0,96).

Возникает вопрос: являлась ли непропорциональная репрезентативность нерусских следствием ущемления их в политических правах или порождалось другими причинами? О политической этнодискриминации можно определенно говорить относительно евреев. Непропорциональная численность других этносов во властных структурах объяснялась главным образом культурными факторами. Для участия в управлении требовались соответствующая компетенция и хотя бы начальное образование. В силу этого более образованные граждане имели больше возможностей попасть на государственную службу независимо от этнической принадлежности, за исключением евреев и грузин — первых в бюрократии было по причине дискриминации намного меньше демократической нормы, вторых в силу высокого процента дворянства в населении²² больше, хотя достижениями на nive образования евреи отметились лучше грузин. В подобной ситуации корректнее сравнивать долю лиц из разных

этносов среди чиновников с их долей не во всем населении, а *среди грамотных*, т. е. в данном случае — умеющих читать и писать по-русски, поскольку для государственной службы знание русского языка являлось обязательным (табл. 7).

Если судить по ИЭПР, то поляки (1,65), татары (2,72), грузины (3,00), литовцы (1,28) и армяне (2,76) были представлены в органах управления намного лучше русских и выше их доли в грамотном населении; лишь украинцы, белорусы, латыши, эстонцы, немцы и евреи оказались ниже демократической нормы. Весьма показателен пример с эстонцами. На государственной службе в Ревеле в 1871 г. находились 4 эстонца (менее 2% чиновников), в 1897 г. — 442 (более 50%), а в целом на общественной государственной службе — 2510 эстонцев. Это увеличение объяснялось не столько ростом этнической толерантности, сколько тем, что в 1890-е годы в активную профессиональную жизнь вступило первое поколение эстонцев, получивших русское образование в гимназиях и высших учебных заведениях и готовых делать карьеру на административном поприще²³. Таким образом, этнополитическое неравенство в империи вряд ли являлось столь существенным, чтобы стать важнейшей причиной революции 1917 г. и распада Российской империи²⁴.

Перепись 1926 г. не содержит сведений об этнической занятости для СССР в целом, поэтому вычислить ИЭПР для отдельных этносов, кроме русских и нерусских, по стране невозможно. Однако возросший сравнительно с 1897 г. ИЭПР у нерусских в союзных и автономных республиках не оставляет сомнений, что все этносы, в особенности имевшие государственность, увеличили число своих выдвиженцев во властных структурах. В результате в первое десятилетие советской власти этническое неравенство при формировании органов власти и силовых структур уменьшилось, но полностью не было ликвидировано, соответственно участие нерусских в управлении возросло, но еще не стало адекватным их численности. В 1897–1926 гг. индекс репрезентативности у всех нерусских народов в целом возрос с 0,61 до 0,71, но еще не достиг 1, т. е. демократической нормы. Такое уменьшение неравенства можно считать существенным, но нельзя назвать качественным скачком в преодолении этнической дискриминации²⁴.

К 1959 г. ИЭПР повысился у всех этносов, кроме русских и армян. В том числе он равнялся демократической норме или превысил ее у 8 этносов из 19: якутов (2,26), евреев (1,78), казахов (1,49), русских (1,14), эстонцев (1,08), туркменов (1,05), грузин (1,03) и практически достиг нормы у армян (0,99). У остальных 11 этносов ИЭПР оставался ниже нормы, в том числе у девяти этносов в интервале 0,80–0,93, у двух — в интервале 0,70–0,72. Самый низкий ИЭПР наблюдался у молдаван — несколько ниже, чем в 1897 г. (0,29). В масштабе страны русские по степени репрезентативности в органах власти переместились с 1-го на 4-е место, пропустив якутов, евреев и казахов: по ИЭПР якуты стали превосходить русских в 2 раза, евреи — в 1,6 раза, казахи — в 1,3 раза. Однако в целом наблюдалось общее выравнивание этнополитических статусов. С 1897 по 1959 г. у всех нерусских этносов вместе ИЭПР поднялся с 0,51 до 0,84, или в 1,6 раза. ИЭПР у 15 титульных этносов находился на уровне демократической нормы (1,02).

Через 20 лет, в 1979 г., произошли новые важные изменения в этнополитическом неравенстве. ИЭПР в целом впервые превысил демократическую норму у эстонцев (1,31), латышей (1,23), азербайджанцев (1,07), киргизов (1,15). Еще более он повысился у якутов (2,63), казахов (1,50) и армян (1,21), остался высоким, хотя несколько понизился, у евреев (с 1,78 до 1,39) и русских (с 1,14 до 1,07). Процент литовцев соответствовал их доле в населении. У татар, белорусов, украинцев, узбеков, таджиков, молдаван, башкир ИЭПР повысился, но оставался менее единицы. По пока не выясненным причинам у двух этносов индекс понизился ниже демократической нормы: у грузин — с 1,03 до 0,75 и у туркмен — с 1,05 до 0,82, вследствие чего они утратили привилегированное положение. В целом у всех нерусских этносов ИЭПР несколько возрос и приблизился к единице — 0,91.

Данные за 1989 г. демонстрируют сохранение тенденции на выравнивание политических статусов титульных этносов около демократической нормы благодаря тому, что ИЭПР повысился у тех, кто был сильно недопредставлен: у белорусов (с 0,86 до 0,97), у грузин (с 0,75 до 1,43), у молдаван (с 0,57 до 0,71), у украинцев (с 0,85 до 0,94), и, наоборот, понизился у тех, кто был сверхпредставлен: у русских (с 1,07 до 1,06), азербайджанцев (с 1,07 до 1,05), армян (с 1,21 до 1,11), казахов (с 1,50 до 1,27), киргизов (с 1,15 до 0,90), латышей (с 1,23 до 1,16), эстонцев (с 1,31 до 1,17). ИЭПР понизился у трех этносов с невысоким ИЭПР — у узбеков (с 0,72 до 0,60) и таджиков (с 0,87 до 0,73), вероятно, из-за хлопкового дела, а также у литовцев (с 0,99 до 0,91). Выравнивание статусов произошло в ходе массовой чистки аппарата управления в 1986–1990 гг. на всех уровнях, которая вызвала острое недовольство и ожесточенное сопротивление со стороны местной номенклатуры.

Интересно сравнить политический статус этноса в границах титульной республики, где, как правило, проживала большая часть титульного этноса (ИЭПР_{вг}), и за ее границами, но в пределах СССР (ИЭПР_{зг}). Исходную информацию для расчета ИЭПР титульного этноса за границами титульной республики определяем путем вычитания из данных по СССР данных по союзной республике (для соответствующих категорий населения). Например, для расчета ИЭПР украинцев за границами Украины нужны следующие сведения: 1) численность украинцев в СССР без украинцев в УССР; 2) численность населения СССР без населения УССР; 3) численность украинцев в СССР, занятых в управлении, без украинцев в УССР, занятых в управлении; 4) численность населения СССР, занятого в управлении, без населения УССР, занятого в управлении. На основе первого и второго показателей рассчитываем (а) процент украинцев, занятых в управлении на территории СССР без Украины; на основе третьего и четвертого показателей рассчитываем (б) процент украинцев в населении СССР без Украины. Разделив (а) на (б) и получаем ИЭПР украинцев на территории СССР за границами Украины. Результаты расчетов приведены в табл. 8.

Данные о грузинах, латышах, туркменах и эстонцах, проживающих вне титульных республик, в общесоюзных сведениях не зафиксированы в 1959 и 1979 гг., а о литовцах — в 1979 г. Поэтому расчеты сделаны по 11 титульным

Таблица 8

**Этнополитическое неравенство титульных этносов
в отдельных сферах управления в границах титульной республики (ИЭПР_{вт})
и за ее пределами (ИЭПР_{зг})**

			ИЭПР _{вт}		ИЭПР _{зг}		Разница ИЭПР _{вт} — ИЭПР _{зг}	
	1959	1979	1959	1979	1959	1979	1959	1979
Русские	СССР		РСФСР		СССР без РСФСР			
Госаппарат	1,00	1,00	0,97	0,99	1,11	0,92	-0,14	0,07
Партаппарат	1,18	1,07	1,02	1,01	1,86	1,14	-0,84	-0,13
Милиция	1,22	1,13	1,01	1,01	1,94	1,17	-0,93	-0,16
Суд	1,05	1,09	0,94	1,00	1,65	1,32	-0,71	-0,32
Управление	1,14	1,07	1,00	1,00	1,65	1,11	-0,65	-0,11
Украинцы	СССР		УССР		СССР без УССР			
Госаппарат	0,95	0,90	1,00	1,08	1,15	1,17	-0,15	-0,09
Партаппарат	0,75	0,91	0,83	0,97	1,31	1,17	-0,48	-0,20
Милиция	0,79	0,78	0,85	0,96	1,65	1,55	-0,80	-0,59
Суд	0,60	0,78	0,65	0,81	0,94	1,12	-0,29	-0,31
Управление	0,81	0,85	0,87	0,97	1,40	1,28	-0,53	-0,31
Белорусы	СССР		БССР		СССР без БССР			
Госаппарат	0,82	0,88	0,87	0,97	0,79	0,73	0,08	0,24
Партаппарат	0,67	0,90	0,78	0,94	1,04	0,89	-0,26	0,05
Милиция	0,87	0,86	0,89	0,98	1,76	1,49	-0,87	0,51
Суд	0,55	0,73	0,62	0,76	0,98	0,88	-0,36	-0,12
Управление	0,80	0,86	0,85	0,93	1,33	1,03	-0,48	-0,10
Армяне	СССР		АрмССР		СССР без АрмССР			
Госаппарат	1,06	1,44	1,00	1,04	0,78	1,05	0,22	-0,01
Партаппарат	1,04	0,94	1,11	1,07	0,72	0,81	0,39	0,26
Милиция	0,84	1,29	1,09	1,04	0,79	0,65	0,30	0,39
Суд	1,24	1,22	1,10	1,05	1,18	1,18	-0,08	-0,13
Управление	0,99	1,21	1,06	1,05	0,81	0,88	0,25	0,17

			ИЭПР _{вг}		ИЭПР _{зг}		Разница ИЭПР _{вг} — ИЭПР _{зг}	
Литовцы	СССР		ЛитССР		СССР без ЛитССР			
Госаппарат	1,45	1,22	1,01	1,07	0,19	нет	0,82	нет
Партаппарат	1,18	1,03	0,92	1,02	0,16	нет	0,76	нет
Милиция	0,45	0,69	0,74	0,87	0,64	нет	0,10	нет
Суд	0,81	1,15	0,85	1,02	0,09	нет	0,76	нет
Управление	0,89	0,99	0,87	1,00	0,40	нет	0,47	нет
Таджики	СССР		ТаджССР		СССР без ТаджССР			
Госаппарат	0,96	0,97	1,02	1,09	0,48	0,67	0,54	0,42
Партаппарат	0,93	0,85	0,95	1,09	0,57	0,56	0,38	0,53
Милиция	0,71	0,86	1,06	1,08	0,59	0,91	0,47	0,17
Суд	0,77	0,74	0,79	0,98	0,52	0,28	0,27	0,70
Управление	0,80	0,87	1,00	1,07	0,55	0,65	0,45	0,42
Азербайджанцы	СССР		АзССР		СССР без АзССР			
Госаппарат	1,16	1,34	1,09	1,04	0,78	0,70	0,31	0,34
Партаппарат	1,07	0,87	1,12	0,98	0,31	0,33	0,81	0,65
Милиция	0,74	1,18	0,82	1,12	0,56	0,49	0,26	0,63
Суд	0,96	0,83	0,98	0,97	0,41	0,26	0,57	0,71
Управление	0,95	1,07	0,94	1,04	0,57	0,46	0,37	0,58
Молдаване	СССР		МССР		СССР без МССР			
Госаппарат	0,44	0,81	0,63	0,84	0,37	0,55	0,26	0,29
Партаппарат	0,35	0,66	0,43	0,85	0,16	0,43	0,27	0,42
Милиция	0,57	0,25	0,59	0,69	0,42	0,39	0,17	0,30
Суд	0,19	0,61	0,32	0,76	0,13	0,21	0,19	0,55
Управление	0,29	0,57	0,56	0,81	0,34	0,42	0,22	0,39
Узбеки	СССР		УзССР		СССР без УзССР			
Госаппарат	0,71	0,78	0,90	0,94	0,65	0,57	0,25	0,37
Партаппарат	0,71	0,67	0,81	0,94	0,51	0,47	0,30	0,47
Милиция	0,57	0,77	0,83	1,08	0,59	0,76	0,24	0,32

Окончание табл. 8

			ИЭПР _{вг}		ИЭПР _{зг}		Разница ИЭПР _{вг} — ИЭПР _{зг}	
Суд	0,62	0,57	0,68	0,83	0,57	0,43	0,11	0,40
Управление	0,63	0,72	0,83	0,96	0,59	0,58	0,24	0,38
Киргизы	СССР		КирССР		СССР без КирССР			
Госаппарат	1,41	1,32	1,17	1,16	0,58	0,52	0,59	0,64
Партаппарат	1,02	1,28	1,03	1,31	0,40	0,31	0,63	1,00
Милиция	0,57	0,99	0,84	1,11	0,18	0,24	0,66	0,87
Суд	1,04	0,90	0,94	0,98	0,32	0,09	0,62	0,89
Управление	0,91	1,15	1,00	1,17	0,33	0,31	0,67	0,86
Казахи	СССР		КазССР		СССР без КазССР			
Госаппарат	1,78	1,65	1,91	1,58	0,86	0,61	1,05	0,97
Партаппарат	1,78	1,60	1,50	1,55	0,74	0,59	0,76	0,96
Милиция	1,20	1,39	1,37	1,28	0,85	0,83	0,52	0,45
Суд	1,71	1,21	1,67	1,30	1,08	0,53	0,59	0,77
Управление	1,49	1,50	1,57	1,45	0,86	0,66	0,71	0,79

Источники указаны в примеч. к табл. 4.

этносам в 11 союзных республиках за 1959 г. и по 10 этносам и республикам в 1979 г.

В 1959 г. этнополитический статус русских, украинцев и белорусов за границами своих титульных республик был существенно — в 1,6 раза — выше, чем в своих республиках, и выше демократической нормы: ИЭПР_{зг} равнялся соответственно 1,65, 1,40 и 1,33 против ИЭПР_{вг} 1,00, 0,87 и 0,85. У остальных титульных этносов, наоборот, ИЭПР в своих титульных республиках оказался выше, чем за ее границами. То же самое наблюдалось и в 1979 г.: ИЭПР_{зг} русских, украинцев и белорусов равнялся соответственно 1,11, 1,28 и 1,03 против ИЭПР_{вг} 1,00, 0,97 и 0,93 с одним отличием — разница уменьшилась с 1,6 раза до 1,2 раза. Причем отмеченная закономерность наблюдалась во всех сферах управления и в наибольшей степени в партийном аппарате во всех республиках, кроме Армении. Это свидетельствует о важных особенностях при формировании органов власти в неславянских республиках. Во-первых, славянские народы играли цементирующую роль в Советском Союзе, были активнее вовлечены в управление страны, чем неславянские этносы, для которых, по-видимому, с одной стороны, внутриреспубликанские дела имели большее

значение, чем всесоюзные, с другой — им трудно было конкурировать со славянскими народами на всесоюзном уровне. Сказывалась общность культуры и особенно языка русских, украинцев и белорусов. Русский язык являлся государственным на всей территории СССР, благодаря чему русские, украинцы и белорусы, как правило хорошо его знавшие, везде легко адаптировались. Во-вторых, при формировании руководства союзных республик местные кадры имели привилегии по сравнению с некоренными народами. Тем самым они получали компенсацию за неравенство на всесоюзном уровне. Другими словами, за недопредставительство на всесоюзном уровне титульные этносы имели сверхпредставительство на республиканском уровне. Таким образом достигался баланс интересов.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

В период империи нерусские народы были представлены в центральных и местных органах власти и в силовых структурах, но неадекватно их численности. В некоторых случаях, например с евреями и поляками, это было следствием прямой дискриминации, но чаще объяснялось низким уровнем культуры, незнанием русского языка, недостатком профессионалов и другими факторами, прямо не связанными с этническим неравенством. Для участия в управлении требовалась соответствующая компетенция и хотя бы начальное образование и знание русского языка. Поэтому более образованные граждане обладали и более высокими шансами попасть на службу во властные структуры независимо от этнической принадлежности, за исключением евреев и грузин: первых в бюрократии насчитывалось намного меньше демократической нормы, вторых — больше, в то время как достижений на ниве образования у евреев было больше, чем у грузин.

В течение всего советского периода 1917–1990 гг. неуклонно и систематически, практически без остановок, происходил процесс выравнивания политических статусов народов СССР. В 1989 г. этническая дискриминация в органах власти в целом почти исчезла: в СССР в целом индекс этнополитической репрезентативности русских составил 1,06, нерусских — 0,93, а в 14 союзных республиках без РСФСР — 1,02 и 0,99 соответственно. Сколько-нибудь существенные привилегии русских в формировании властных структур по стране исчезли. В отдельных сферах управления нивелирование этнического неравенства проходило разными темпами. В государственном аппарате политическое равенство было достигнуто уже в 1959 г. Однако ввиду дефицита данных об этнической занятости в переписях 1937 и 1939 гг. нельзя исключить, что оно наступило раньше. В аппарате партийных и общественных организаций также наблюдалась тенденция по преодолению неравенства, однако в этой сфере к 1990 г. доля русских была несколько выше демократической нормы, соответственно у нерусских — ниже. Нивелирование этнических статусов являлось закономерным следствием, с одной стороны, национальной политики руководства страны, справедливо названной в 1920-е годы коренизацией, с другой — стремления этнических элит к равенству. По причине слабости местных кадров руководство страны долгое время вынуждено было во всесоюзных органах власти в несколько большей степени полагаться на выходцев

из трех славянских народов. Но в своих республиках титульные неславянские этносы имели преимущества в формировании органов власти перед всеми другими этносами, что поддерживало баланс интересов.

В настоящей статье основное внимание уделено проблеме формирования властных структур в советскую эпоху и оценке того, насколько это происходило справедливо и демократично для всех народов. Однако политическое неравенство отдельных этносов зависело не только от степени соблюдения демократических норм при формировании органов власти, но и от степени участия в них, которая определялась их абсолютной и относительной численностью в законодательных, исполнительных и судебных учреждениях. Небольшие по численности этносы могли быть представлены во власти в 10 раз выше своей относительной численности в населении, но иметь слабое влияние в органах власти, если их доля в населении была ничтожной — нередкий случай в многонациональном государстве. Проблема участия этносов во власти заслуживает специального исследования.

* Автор выражает благодарность Т. Я. Валетову за помощь в подготовке статьи.

¹ См. историографию: *Миронов Б. Н.* Дезинтеграция СССР в историографии: развал или распад // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66, вып. 1. С. 132–147.

² Первая всеобщая перепись населения российской империи 1897 г. Вып. 4: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население Империи по уездам / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1905. С. 29.

³ История переписей населения в России / пред. ред. коллегии М. А. Дианов. М., 2013. С. 156, 206, 224, 226, 267, 300, 336–337, 372. — См. также: *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* Демографическая история России. 1927–1959. М., 1998. С. 21–27, 50.

⁴ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в 2 т. / ред. Н. Тройницкий. СПб., 1905 (далее — Общий свод); Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам: в 4 т. / ред. Н. Тройницкий. СПб., 1905 (далее — Распределение населения). — В Алтайском государственном университете в 2011–2016 гг. создана Информационная система «Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX — начала XX века. Анализ данных Первой всероссийской переписи населения 1897 года». Руководитель проекта: Е. А. Брюханова. Разработка информационной системы: Д. Н. Иванов. Разработка ГИС и интерактивной карты: Е. П. Крупочкин. Исполнители проекта: В. Н. Владимиров, О. И. Чекрыжова, Н. В. Неженцева, Э. Е. Мищанинец, Д. С. Лавлинских, А. Ю. Полозкова. URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/about> (дата обращения: 08.08.2020). Это прекрасная база данных, и я глубоко сожалею, что мои расчеты были сделаны до того, как она появилась в интернете.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года: в 56 т. М., 1928–1930. Т. 18–34.

⁶ Всесоюзная перепись населения 1959 года // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 2871–2890, 2893, 2898, 2890, 2904, 2924, 2928, 2938, 2839, 2939, 2949; Всесоюзная перепись населения 1979 года // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 7465–7473, 7490, 7500, 7501, 7503, 7505, 7508, 7510.

⁷ Всесоюзная перепись населения 1989 года // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 2570–2578.

⁸ Труд в СССР: стат. сборник. М., 1988.

⁹ Общий свод. Т. 2. С. 236–237; Распределение населения. Т. 1–4.

¹⁰ В советской историографии число чиновников в позднеимперской России преувеличивалось. Эталонная оценка П. А. Зайончковского (500 тыс. в 1903 г.) является, как он сам отмечает, сугубо ориентировочной и преувеличенной: *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 71.

¹¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 18: Северная полоса. Северный район. Ленинградско-Карельский район. Отд. 2. С. 12.

¹² Партийная статистика. Статистические данные по КПСС на 1 января 1989 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4 (303). С. 113–118.

¹³ Численность всего занятого населения в СССР, включая индивидуальный сектор экономики (без военнослужащих), за 1985 г. и 1990 г. приведена в: Народное хозяйство СССР в 1990 г.: стат. ежегодник. М., 1991. С. 67.

¹⁴ После сокращения аппарата управления в 1986–1989 гг. общее число всех чиновников к 1990 г. уменьшилось до 2037 тыс.: Народное хозяйство СССР в 1989 г. С. 50. — Если принять процент руководителей за 26%, как в 1979 г., то их абсолютное число составляло около 540 тыс.

¹⁵ К номенклатуре следует также отнести руководство органов суда, правопорядка, армии и спецслужб. Но подобной информации в переписях не содержится.

¹⁶ Русские: этносоциологические очерки / [Ю. В. Арутюнян и др.]. М., 1992. С. 100–118; *Миронов Б. Н.*: 1) Социология и историческая социология: взгляд историка // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 55–62; 2) Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017. С. 197–210.

¹⁷ ИЭПР можно выражать также в процентах, если 1 принять за 100%. Например, в 1897 г. ИЭПР составил у всего населения 100, у русских — 143%, у украинцев — 66%, у армян — 110%, у евреев — 14%, у эстонцев — 64% и молдаван — 34%. Это означает, что во властных структурах русские были представлены избыточно на 45%, армяне — на 8%, а остальные этносы — недостаточно: украинцы — на 39%, эстонцы — на 36%, молдаване — на 66% и евреи — на 83%.

¹⁸ Аналогичным образом можно оценивать степень других форм дискриминации — экономической, культурной, правовой и т. д.

¹⁹ См. об этом: *Velychenko St. Identities, Loyalties and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands?* // *Russian Review*. 1995. Vol. 54, no. 2. P. 188–208.

²⁰ Приводится по: *Артемьев А. П.* Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М., 1975. С. 58.

²¹ Всесоюзная перепись населения 1939 г. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39_gs.php (дата обращения: 17.03.2020).

²² Доля дворян среди грузин была в 3,7 раза выше, чем среди русских — 6,32% против 1,71% (Общий свод. Т. 2. С. 373–387).

²³ См. об этом: *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 63.

²⁴ *Миронов Б. Н.*: 1) Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. 2-е изд. Т. 3. СПб., 2018. С. 676–691; 2) Российская модернизация и революция. СПб., 2019. С. 163–170.

Статья поступила в редакцию 8 августа 2020 г.

Рекомендована в печать 27 октября 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Миронов Б. Н. Этническая дискриминация при формировании органов государственной власти СССР // *Новейшая история России*. 2021. Т. 11, № 1. С. 149–173.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.110>

УДК 94(47).083

Аннотация: Уровень этнополитического неравенства оценивается как отношение доли этноса, занятого в органах государственной власти, к доле данного этноса среди всего занятого населения. Этот показатель можно назвать индексом этнополитической репрезентативности. Он позволяет оценивать степень политической дискриминации объективно и количественно и благодаря этому ранжировать этносы по степени неравенства. Если индекс равен единице, то этнос представлен в управлении пропорционально своей численности, и значит, его право на участие в комплектовании управленческих

кадров соблюдено. Если больше или меньше единицы, то этнос неадекватно — избыточно или недостаточно — представлен во властных структурах. В имперской России почти все крупные нерусские этносы имели своих представителей во властных структурах, хотя в разной степени и в большинстве случаев нерепрезентативно, когда число выдвиженцев от этноса не соответствовало его численности в населении, т. е. было ниже или выше демократической нормы. В течение всего советского периода 1917–1990 гг. неуклонно и систематически, практически без остановок, происходило уменьшение неравенства этносов во властных структурах. В 1989 г. дискриминация в органах власти в целом практически исчезла. Преимущества русских при формировании органов управления СССР были минимизированы: процент в органах власти соответствовал их доле в населении. В отдельных сферах управления нивелирование этнического неравенства проходило неодинаковыми темпами. В государственном аппарате равенство в представительности было достигнуто уже в 1959 г. В аппарате партийных и общественных организаций также наблюдалась тенденция по преодолению дискриминации, но в этой сфере к 1990 г. процент нерусских оставался несколько ниже их доли в населении. Минимизация этнического неравенства являлась закономерным следствием, с одной стороны, национальной политики руководства страны, с другой — стремления этнических элит к равенству в политических правах.

Ключевые слова: Российская империя, Советский Союз, государственный аппарат, партийный аппарат, номенклатура, этнос, неравенство, дискриминация.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-09-00353 «Распад Советского Союза в человеческом измерении: междисциплинарное исследование».

Сведения об авторе: Миронов Б. Н. — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); mironov1942@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Mironov B. N. 'Ethnic Discrimination in the Formation of State Bodies of the USSR', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 1, 2021, pp. 149–173.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.110>

Abstract: The level of ethno-political inequality is estimated as the ratio of the share of an ethnic group employed in public authorities to the share of this ethnic group among the entire employed population. This indicator can be called the coefficient of ethno-political representativeness. In Imperial Russia, almost all major non-Russian ethnic groups had representatives in power structures, although in most cases this was unrepresentative; the number of nominees from an ethnic group did not correspond to its population size. During the entire Soviet period, 1917–1990, there was a steady and systematic decrease in the inequality of ethnic groups in power structures. In 1989, discrimination in the authorities as a whole practically disappeared. The advantages of Russians in forming the Soviet government were minimized; their percentage in government corresponded to their share in the population. In some areas of government, ethnic inequality was leveled at different rates. In the state apparatus, equality in representation was already achieved in 1959. In the apparatus of party and public organizations, there was also a tendency to overcome discrimination, but in this area, by 1990, the percentage of non-Russians remained slightly lower than their share in the population. Minimization of ethnic inequality was a natural consequence, on the one hand, of the national policy of the country's leadership, on the other — the desire of ethnic elites for equality in political rights.

Keywords: Russian Empire, Soviet Union, state apparatus, party apparatus, nomenclature, ethnic, inequality, discrimination.

This research was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-09-00353 "The disintegration of the Soviet Union in the human dimension: an interdisciplinary study".

Author: Mironov B. N. — Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); mironov1942@yandex.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

Andreev E. M., Darskiy L. E., Kharkova T. L. *Demographic history of Russia. 1927–1959* (Moscow, 1998). (In Russian)

Artemyev A. P. *Fraternal combat union of the peoples of the USSR in the Great Patriotic War* (Moscow, 1975). (In Russian)

History of population censuses in Russia, ed. by A. Dianov (Moscow, 2013). (In Russian)

Miller A. I. *The Romanov Empire and nationalism: Essay on the methodology of historical research* (Moscow, 2006). (In Russian)

Mironov B. N. 'Disintegration of the USSR in Historiography: Collapse or Dissolution', *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 66, issue 1, 2021. (In Russian)

Mironov B. N. *Management of ethnic diversity of the Russian Empire* (St. Petersburg, 2017). (In Russian)

Mironov B. N. *Russian modernization and revolution* (St. Petersburg, 2019). (In Russian)

Mironov B. N. 'Sociology and historical sociology: The view of a historian', *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10, 2004. (In Russian)

Mironov B. N. *The Russian Empire: From tradition to modernity*, in 3 vols, vol. 3 (St. Petersburg, 2018). (In Russian)

Russians: Ethnosociological essays, ed. by Yu. V. Harutyunyan (Moscow, 1992). (In Russian)

Velychenko St. 'Identities, Loyalties and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands?', *Russian Review*, vol. 54, no. 2, 1995.

Zayonchkovskiy P. A. *The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century* (Moscow, 1978). (In Russian)

Received: August 8, 2020

Accepted: October 27, 2020